

Оганесян С.С.

ЗАКОН И НРАВСТВЕННОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ИСТОКИ РАСХОЖДЕНИЯ

Оганесян С.С. – главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, государственный советник РФ 1 класса. <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что оценка закона с позиций норм нравственности существовала на всём протяжении развития человеческих сообществ вне зависимости от того, на какой ступени своего ментального цивилизационного развития они находились: многобожия, единобожия или научного мировосприятия. Это явление неразрывно связано с непрерывным изменением правоотношений в обществе и его расслоением на апологетов правовых новаций и приверженцев традиционных норм. Автор приходит к выводу, что именно противники новаций считают новые правовые акты безнравственными и опасными для общественного благополучия и поэтому отвергают их.

Ключевые слова: закон, нравственность, язычество, монотеизм, научное мировосприятие, цивилизационная ментальность.

Ссылка на цитирование. Оганесян С.С. Закон и нравственность: взаимосвязь и истоки расхождения // Представительная власть – XXI век. 2023. – № 1-2. С. 31–36

DOI: 10.54449/20739532_2023_1-2_31

Проблемы взаимосвязи и истоков несоответствия законов общества нормам нравственности восходят к глубокой древности. Достаточно вспомнить ставшее крылатым восклицание выдающегося государственного деятеля, оратора, правоведа и философа Древнего Рима Марка Тулия Цицерона (3.1.106 до н. э. – 7.12.43 до н. э.): «О, времена! О, нравы!», которое было произнесено по поводу крайне безнравственного, с точки зрения Цицерона, поведения одного из видных политиков республики, который, не взирая на действующее законодательство, пытался силой захватить власть [14].

Через полстолетия после Цицерона римский поэт Гораций, восклицал: «Какая польза в напрасных законах там, где нет нравов?» [4].

А более чем через полторы тысячи лет после Цицерона и Горация великий французский писатель, правоведа и философ эпохи Просвещения Шарль Монтескье, разработавший доктрину о разделении властей, в начале XVIII века писал: «При завоеваниях недостаточно оставлять покорённому населению его

законы, надо ещё оставить ему его нравы: народ всегда больше защищает свои нравы, чем свои законы» [9].

В данной статье мы постараемся ответить на вопрос: каковы причины возникновения в обществе отношения к отдельным законам или к их системе как к безнравственным.

Однако, прежде чем приступить к изложению нашего мнения, определимся с терминами.

Широко известно, что под словом «закон» современные специальные и толковые словари понимают нормативно-правовой акт, закрепляющий принципы и нормы правового регулирования наиболее важных общественных отношений, который принимается исключительно представителями законно избранной государственной власти [16].

Известно также, что существительное «нравственность» было образовано от слова «нрав», которое, заметим, в своём исконном значении в русском языке означает «обычай, уклад жизни». Оно обозначает, говоря словами выдающегося отечественного психолога А.Н. Леонтьева, «внутренние, духовные качества, которыми руко-

водствуется человек, этические нормы, правила поведения, определяемые этими качествами» [6, с. 414].

Таким образом, слова «нравственность» и «закон» имеют общее семантическое поле, которое напрямую связано с нормами и правилами поведения человека (людей) в самых разных сферах его (их) бытия.

Известно также, что слово «нравственность» зачастую выступает в качестве синонимов слов «мораль» и «этика», которые были заимствованы русским языком в разное время из латинского и греческого языков. Употребляясь независимо друг от друга в различных ситуациях и сферах общения, как это бывает с лексикой, заимствованной из разных научных сфер и литературных жанров, названные слова с течением времени вошли в общеупотребительный фонд русского языка, став синонимами.

Поэтому в современном русском языке (особенно в обыденной речи и в языке СМИ) слова «нравственность», «мораль» и «этика» являются синонимами, характеризующими формы поведения людей, которые воспринимаются гражданами страны или в качестве положительных или отрицательных и связываются в общественном сознании с понятиями «справедливости и несправедливости», «добра и зла», «праведности и порочности», «правдивости и ложности» и т.д. [2]. Кроме того, в различных областях науки они приобрели качества терминов, которые, как известно, обладают специфическим семантическим значением.

Когда и при каких обстоятельствах могла возникнуть ситуация, когда законы стали оцениваться с позиций нравственных категорий?

Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, следует искать в истории зарождения, эволюции и функционирования правовых отношений в человеческом обществе, которое проходит основные стадии своего ментального развития: многобожия (язычества), монотеизма (единобожия) и научного мировосприятия. Каждая из них имеет своё специфичное мировосприятие, свои нормы и правила поведения, свой ценностный мир, свои представления о добре и зле, праведности и неправедности, справедливости, чести, достоинстве, бесчестии, порочности и т.д. [8]. Например, с точки зрения нашего современника, взаимоотношения язычников с иноплемениками были недопустимо жестокими и недопустимыми.

Поскольку все язычники были убеждены, что «всё зло, которое можно причинить врагу, по мнению богов и людей, всегда справедливо» [14], а всякое действие, приносящее благо для семьи, рода и племени праведно [14].

Наш современник не может оправдать то, что язычники не только истребляли иноплеменников, но и «сжигали поля, вырубали деревья; урожай врага почти всегда посвящался подземным богам, а потому сжигался <...> В силу этого закона войны вокруг Рима простирались безлюдные пространства. Территория, где находились двадцать три города вольсков, превратились в Понтийские болота; исчезли пятьдесят три города Лация; в Самниуме ещё долго можно было опознать места, где прошли римские войска, не столько по следам, оставшимся от их лагерей, сколько по царившему в окрестностях опустошению» [14, с. 207-208].

Ясно, что язычники руководствовались теми нормами, которые соответствовали их ментальному уровню развития и лежали в основе так называемого «обычного права». При этом как идолопоклонники древности, так и язычники современного мира убеждены, что все нормы и правила им были даны с потустороннего мира их семейными и родоплеменными богами для безоговорочного исполнения. Естественно, все нормы и правила, завещанные богами, считались абсолютно нравственными.

Крупнейший исследователь древнего языческого мира Фюстель де Куланж писал: «Человеку не приходилось обращаться к своей совести и говорить: «Это справедливо, это несправедливо». Не так возникло древнее право» [14, с. 189]. Ибо религиозные нормы, воплощаясь в праве, составляли с ним единое неразрывное и нераздельное целое. Законы следовало исполнять, а не обсуждать. Такова была воля богов. Именно поэтому в Афинах высшее должностное лицо (архонт) выполнял такие же функции, что и римский понтифик [14, с. 188].

Поэтому отнюдь не случайно, что, по мнению известного римского правоведа-язычника Домиция Ульпиана (170—228), право (юриспруденция) «есть знание божественных и человеческих дел, наука о справедливости и несправедливом» [14, с. 188].

Нравственная оценка законов в языческой среде стала появляться с возникновением поли-

сов (городов) со смешанным родоплеменным составом, в частности, с возникновением у горожан общих богов с обрядами поклонения им, и, соответственно, с терпимым отношением к богам, традициям и обычаям других человеческих сообществ [14]. При этом нормы и правила одних сограждан им казались правильными и праведными, а других – неправильными и безнравственными [14].

Монотеизм, стал распространяться по всему миру около четырёх тысяч лет назад после ниспослания сынам Израиля через Моисея Торы, а затем проповедей Иисуса Христа и Его учеников, а следом и ниспослания через Мухаммада Корана.

И наконец, начиная с XVI-XVII вв. человечество стало переходить к «светскому» праву, которое, возникнув в Европе, затем постепенно стало распространяться по всем остальным континентам мира, трансформируя мировосприятие и ценностный мир этносов и народов. И, соответственно, в обществе стало возникать противоречивое отношение к насильственно навязываемым нормам и правилам поведения, которые для одной части населения страны представлялись несправедливыми, неправильными и безнравственными, а для другой – разумными и высоконравственными.

Сегодня практически нет стран, которые руководствуются обычным (языческим) правом, но существует ряд государств, которые живут по каноническому праву. К примеру, страны арабского мира в разном объёме продолжают применять правовые нормы Корана (шариата).

Первые две стадии отнюдь не случайно считаются религиозными, поскольку как мировосприятие, так и правоотношения в них воспринимаются как независимые от людей и данные им некими высшими потусторонними силами [8].

Законодателями при язычестве, как известно, считались предки по отцовской линии, а при монотеизме законодателем был сугубо Единый Бог, Который через избранных Им пророков-посланников передал Священные Писания (Тору, Новый Завет и Коран). Поэтому отнюдь не случайно Тору (Пятикнижие Моисеево Ветхого Завета Библии) иначе называют Законом Моисея. Так же не случайно и то, что Коран называет себя «судебником»: «Так ниспослали Мы его, чтоб на арабском языке был свод законов (Нашего Суда). И если ты последуешь страстям их после

того, как знание к тебе пришло, тебе не будет ни защитника от Бога, ни покровителя (пред Ним)» [Коран,13:37].

Даже Новый Завет Иисуса Христа именуется «Законом Божьим», хотя в нём, по существу, нет ни одной законодательной нормы, а представлены лишь мировосприятие и идеология, направленные на преобразование в первую очередь законодательной системы Торы (в соответствии с потребностями новых условий жизни), а следом, и «обычного права» тех язычников, которые созрели в своём историческом развитии для принятия монотеизма.

Разумеется, в момент своего внедрения в жизнь и быт народов законы, изложенные в Священных Писаниях, представлялись пророками-посланниками Единого Бога в качестве самых праведных, правильных, справедливых и высоконравственных. И это соответствовало действительности, ибо они предназначались для человеческих сообществ в новых условиях их жизни.

Об этом более чем ясно говорят слова Моисея, обращённые к сынам Израиля: «Смотри, предложил я тебе сегодня жизнь и добро, и смерть, и зло. Ибо, заповедуя я тебе сегодня любить Бога, всемогущего твоего, идти путями его, и соблюдать заповеди Его, и установления Его, и законы Его, чтобы жил ты и размножался, и благословит тебя Бог, всемогущий твой, в стране, в которую тыходишь, чтобы овладеть ею. Но если отвратится сердце твоё, и не будешь слушать и сойдёшь ты с пути, и поклоняться будешь богам иным и служить им, то сказал я вам сегодня, что погибнете вы, не продлится дни ваши на земле, в которую переходить ты через Иордан, чтобы прийти и овладеть ею. В свидетели призываю я на вас сегодня небо и землю – жизнь и смерть предложил я тебе, его, и прилепился к нему, ибо Он и проклятие, избери же жизнь, чтобы жил ты и потомство твое, и любил Бога, всемогущего твоего, и исполнял волю Его, и прилепился к Нему, ибо Он жизнь твоя и долгие годы твои, которые будешь ты жить на земле, которую поклялся Бог отцам твоим, Аврагаму, Ицхаку и Якову, дать им» (Дварим: 30 Ницавим, 15-20) [13].

Моисей говорит, что именно законодательство Торы является для израильтян основой для самой «разумной», «мудрой» и высоконравственной жизни: «Смотри, учил я вас установле-

ниям и законам, как повелел мне Бог всемогущий мой, чтобы так поступать вам в стране, в которую вы входите, чтобы овладеть ею. Храните же и исполняйте, ибо это мудрость ваша и разум ваш на глазах всех народов, которые, лишь услышав обо всех этих установлениях, скажут: как мудр и разумен народ этот великий» (Дварим 4 Ваэтханан; 5,6) [13].

Вполне понятно, что нарушение законов, данных в Писаниях, квалифицируется в качестве абсолютно безнравственных деяний, именуемых в них грехом: «Всякий, делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие» (1Ин 3:4) [1].

Здесь следует особо подчеркнуть, что в отличие от Торы, в которой все законы были предложены на «вечные» времена, в Коране утверждается: «На всякий временной предел – Своё писание (свои заветы, что мудростью Аллаха сочтены)» (Сура 13:38) [5]. Напомним, что Коран был ниспослан человечеству через тысячелетия после передачи Торы.

Почему в Торе все законы были даны с формулировкой на «вечные времена», и потому считались «бессрочно» правильными и нравственными, думается, в пояснениях не нуждается, ибо если бы был указан какой-либо временной предел их применения, то зачем исполнять закон, если он со временем перестанет действовать?

Таким образом, появление вслед за Торой Нового Завета, а затем и Корана, каждый из которых указывает на свою неразрывную мировоззренческую, идейно-идеологическую и сюжетно-событийную связь с предшествующим посланием, со всей очевидностью показывает, что именно потребности новых времен вызывают к жизни новые заповеди, законы и установления.

Эта, казалось бы, очевидная для нашего современника истина была воспринята во времена мессианской деятельности Иисуса апологетами Торы в качестве абсолютно безнравственной, поскольку подрывала, по их мнению, основы правосознания и законопослушания народа. Поэтому Иисус Христос был отправлен соотечественниками на смерть, а Его верование было отвергнуто иудеями как в годы мессианской деятельности Иисуса, так и во все последующие времена вплоть до наших дней. А Коран не только не признан до сегодняшнего дня иудеями и христианами в качестве истинного Послания человечеству от Единого Бога,

но и на всём протяжении существования верования, ниспосланного через Мухаммада, не прекращаются попытки очернить как сам Коран, так и личность пророка, обвиняя их в безнравственности [10].

Борьба новых «законов» с изживающими себя нормами и правилами всегда сопровождала жизнь этносов и народов, неизбежно усиливаясь при кардинальной смене цивилизационной ментальности.

Достаточно вспомнить, с одной стороны, призыв Торы к сынам Израиля, разрушать до основания капища идолопоклонников, сжигать их священные деревья, истреблять без остатка идолов и жертвенники: «И вот установления и законы, которые строго исполняйте в стране, которую дал Бог, всемогущий отцов твоих, тебе, чтобы овладел ты ею, во все дни, что вы живете на земле: уничтожьте все места, где народы, которые вы изгоняете, где народы, которые вы изгоняете, служили богам своим на горах высоких, и на холмах, и под каждым зеленым деревом. И разбейте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и священные деревья их сожгите огнем, и изваяния богов их срубите, и уничтожьте их с места этого» (Дварим 12 Ръэ, 1-3) [13].

С другой стороны, можно напомнить весьма примечательный эпизод из отечественной истории, который показывает то, насколько было велико сопротивление новому христианскому верованию в Древней Руси со стороны язычников, которых вынужденно «Путь крестил мечом, а Добрыня огнем» [11].

Нельзя не вспомнить также то, что Моисей постоянно находился под угрозой побития камнями своим же народом, для которого жизнь в рабстве у египтян (по прежним традициям и обычаям) представлялась более привлекательной, чем непростой для их ментальности путь к новому верованию, изложенному в Торе (Тора, Бемидбар 20 Хукат, 1-6; Бемидбар:16 Корах,12-16, 17:6-8) и др.) [1, 5, 13]. Иисус был послан на казнь соотечественниками за проповедь в среде сынов Израиля Евангелия Царствия Небесного. А Мухаммада соплеменники обвиняли в безумии из-за того, что он всех их многочисленных богов «решил» заменить на одного и настаивал на принятии арабами новых для них норм и правил бытия (Суры 41:26; 25:7-15; 74:1-56 и др.) [1, 5, 13].

Итак, с одной стороны, сам процесс внедрения нового вероучения и связанных с ним правоотношений не только сопровождался низвержением всего, что связано с мировосприятием и ценностным миром предшествующей ментальной цивилизации, но и, с другой стороны, крайне негативно воспринимался апологетами традиционных устоев общества, которые воспринимали любые законодательные новшества в качестве совершенно безнравственных и потому неприемлемых. А сам процесс перехода к новым нормам и правилам жизни неизбежно приводил к ментальному расколу в обществе, формируя оценочное отношение к «старому и новому»: нравственное/ безнравственное, правильное/ неправильное, справедливое/ несправедливое, моральное/ аморальное.

В результате, вне зависимости от того, насколько те или иные законодательные системы или отдельные правовые акты воспринимались в начале своего возникновения и внедрения в сознание и быт народов в качестве самых «разумных», «мудрых» и потому высоконравственных, с течением времени они, переставая удовлетворять потребностям новых условий жизни, закономерно переходили в разряд «устаревших», «бесполезных», «неправильных» и «безнравственных».

Отсюда следует, что перманентное изменение законодательных актов и даже целых законодательных систем, характерное для эпохи научного мировосприятия, в религиозные ментальные эпохи воспринималось крайне негативно и считалось недопустимым и безнравственным.

Так, например, сегодня у части этносов и народов мира, стоящих на мировоззренческих позициях монотеизма, законодательно закреплённое «равноправие» женщин и мужчин в подавляющем большинстве государств мира, воспринимается в качестве нормы неправильной и безнравственной.

Законы Англии, допускающие однополые браки, которые поддерживаются более 70% населения этой страны, не считаются безнравственными для данного государства. Так же, как они не считаются таковыми и в тридцати семи других странах мира, где они закреплены законодательно [12].

В нашей же стране, по данным ВЦИОМ, всего лишь пять процентов граждан поддерживают однополые браки, а 75 процентов относятся к ним крайне отрицательно, считая их безнравствен-

ными и аморальными [3]. И это при том, что все страны, в которых разрешены однополые браки, относят себя к странам, исповедующим христианские воззрения, где так же, как в иудаизме и исламе, однополые связи наряду с внебрачными половыми контактами (прелюбодеянием) относятся к тяжелейшим грехам, из-за которых Всевышним были безжалостно истреблены все жители городов Содом и Гоморра, упомянутые в Торе, Новом Завете и Коране.

Итак, отношение к существующим «законам», с точки зрения их «нравственной оценки» лицами, этносами, народами и отдельными слоями общества напрямую зависят от их ментальности и ценностного мира, который и служит фундаментом для оценки законов с точки зрения нравственности или безнравственности.

Причём не только переход от одной цивилизационной ментальности к другой, но и даже от одних взглядов на мир к другим не может не сопровождаться разрушением материальных и духовных ценностей со стороны тех, кто исповедует иные мировоззренческие идеи. Это ясно можно наблюдать как при переходе от многобожия к единобожию, так и при переходе от монотеизма к научному мировосприятию, которое сегодня во многих странах протекают со всеми присущими переходным периодам крайностями, перегибами и перехлестами. А это, в свою очередь, приводит к ментальному расколу в обществе, к противостоянию людей, этносов, народов и государств.

Эти процессы более чем наглядно проявляются в условиях современной жизни, когда численность населения планеты достигла восьми миллиардов, и потому в масштабах всей планеты идут мощнейшие интеграционные и миграционные процессы. Вначале идёт противостояние ментальное, а следом, и вооружённое. Этности и народы, не желающие терять свою самобытность, традиции и обычаи, встают на путь вооружённой борьбы.

Так, страны «арабского мира», в которых всё ещё доминирует каноническое право, категорически не приемлют нормы и правила жизни, которыми сегодня руководствуется так называемый «западный мир». Они, например, крайне отрицательно относятся не только к вышеупомянутым однополым бракам, но и к многочисленным феминистским движениям, к ювенальному

праву и многому другому, которые не вписываются в нормы их цивилизационной ментальности и поэтому представляются им безнравственными и аморальными.

Нельзя не сказать и ещё об одном любопытном факте: к безнравственным никогда не относились заповеди, законы и установления, которые были изложены в Священных Писаниях монотеизма – ни для тех, кто живёт по ним, ни для тех, кто с течением времени перестал ими руководствоваться.

Исходя из вышеизложенного можно, во-первых, говорить, что известное изречение древних правоведов: «Нравственно то, что законно, законно то, что нравственно» является феноменом скорее желаемым, чем реально достижимым. Во-вторых, с учётом исторического опыта внедрения единобожия можно утверждать, что для формирования правосознания граждан любой страны необходимо всеми доступными формами и средствами воспитывать у них культуру правосознания, где безоговорочное и неукоснительное соблюдение действующих законов является обязательным вне зависимости от того, считают они их нравственными или нет. В-третьих, общественное сознание должно базироваться на понимании того, что и конкретный правовой акт, и целые законодательные системы могут быть отменены или изменены сугубо законным путем, и что с уважением необходимо относиться ко всем правовым актам, вне зависимости от того, «ниспосланы» они «свыше», или являются плодом интеллектуальной деятельности самих людей. Вне зависимости от того, нравственным или безнравственным он представляется! «Dura Lex, sed Lex» (Суров закон, но закон)!

Библиография

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Международный Издательский центр православной литературы. – Москва: 1995. – 1375 с.
2. Большой юридический словарь. <https://gufo.me/dict/law> (дата обращения: 02.11.2022).
3. ВЦИОМ: три четверти россиян отрицательно относятся к однополым бракам <https://tass.ru/obschestvo/11973991> (дата обращения: 02.11.2022).
4. Какая польза в напрасных законах там, где нет нравов? <https://ru.citaty.net/tsitaty/632382-goratsii-kakaia-polza-v-naprasnykh-zakonakh-tam-gde-net-nrav/> (дата обращения: 02.11.2022).
5. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерия Пороховой. Изд. десятое, дополненное. М.: Рипол Классик, 2008. – 800 с.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие / А.Н. Леонтьев. 2-е издание, стереотипное. М.: Смысл : Академия, 2005. – 352 с.
7. Нравственность и право: этико-философские осмысление и практика сближения. <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennost-i-pravo-etiko-filosofskoe-osmyslenie-i-praktika-sblizheniya> (дата обращения: 02.11.2022)
8. Оганесян С.С., Тарим А.Х. О причинах трансформации духовных ценностей наших современников // Ценности и смыслы. 2021. – № 3 (73). С. 136-147.
9. При завоеваниях недостаточно оставлять покоренному населению его законы, надо еще оставить ему его нравы: народ всегда больше защищает свои нравы, чем свои законы. <https://ru.citaty.net/tsitaty/457942-sharllui-monteske-pri-zavoevaniikh-nedostatochno-ostavliat-pokorennomu/> (дата обращения: 02.11.2022)
10. Протоиерей Димитрий Полохов. Нравственный облик Мухаммада и его пророческие притязания. https://azbyka.ru/otechnik/Dimitrij_Polohov/nravstvennyj-oblik-muhammada-i-ego-prorocheskie-pritjazaniya/ (дата обращения: 02.11.2022).
11. Путь крестил мечом, а Добрыня огнем. История религии. <http://religion.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000040/st008.shtml> (дата обращения: 02.11.2022)
12. Страны, где разрешены однополые браки. <https://proau.info/2013-g-strany-gde-razresheny-odnopolnye-braki/> (дата обращения: 02.11.2022)
13. Тора (Пятикнижие Моисеево). С русским переводом. Редактор русского перевода П. Гиль. Под общей редакцией Г. Бранновера. «ШАМИР», ИЕРУСАЛИМ *5753*1993*, М.: АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР. – 1136 с.
14. Фюстель Де Куланж. Древний город. Религии, законы, институты Греции и Рима / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2010. – 414 с.
15. Цицерон: О, времена! О, нравы! <https://aforisimo.ru/mini/20306.html> (дата обращения: 02.11.2022).

OGANESYAN S.S. LAW AND MORALITY: THE RELATIONSHIP AND THE ORIGINS OF THE INCONSISTENCY OF ASSESSMENTS

Oganesyana S. S. Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Chief Research Fellow, Scientific-Research Institute of the Federal Penal Service, State Councilor 1st Class.

Abstract. The article substantiates the thesis that the assessment of the law from the standpoint of moral norms has existed throughout the development of human communities, regardless of what stage of their mental civilizational development they were: polytheism, monotheism or scientific worldview. This phenomenon is inextricably linked with the continuous change in legal relations in society and its stratification into apologists for legal innovations and adherents of traditional norms. It is the opponents of innovations who, as a rule, consider new legal acts to be immoral and dangerous to public well-being.

Key words: law, morality, paganism, monotheism, scientific worldview, civilizational mentality.